

НИКОЛАЙ ГАРИН-
МИХАЙЛОВСКИЙ

БАБУШКА СТЕПАНИДА

Часть сборника: Детство Тёмы (сборник)

**Николай Георгиевич Гарин-
Михайловский**
Бабушка Степанида
Серия «Деревенские
панорамы», книга 1

Аннотация

«Многое изменилось на селе за эти восемьдесят лет, что прожила на свете бабушка Степанида. Все, кто был ей близок, кто знал ее радости, знал ее горе, – все уже в могиле...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

7

Николай Гарин- Михайловский

Бабушка Степанида

Многое изменилось на селе за эти восемьдесят лет, что прожила на свете бабушка Степанида. Все, кто был ей близок, кто знал ее радости, знал ее горе, – все уже в могиле. И жила бабушка одна, как перст божий: ни до нее никому, ни ей до других никакого дела давно не было. Только по соседству шабры¹ да внучатная племянница и заглядывали к ней: жива ли?

Жила бабушка и к людям за помощью не ходила. Кое-что, вероятно, было припасено от прежних дней и зорко хранилось где-нибудь под половицей. Да и немного требовалось, чтобы удовлетворить несложные потребности: горсть крупной соли, немного луку, ломтик ржаного хлеба, чашка с водой, и «мура» готова. Остальное в таком же роде было. Все хозяйство и дом после мужа продала она, еще когда схоронила сына, а сама поселилась в келейке, на самом краю села. В ней почти безвыходно сидела старуха и редко, редко, разве в очень уж большой праздник, угрюмая, высокая, с морщинистой и желтой кожей на лице, опираясь на клюку, – брела навестить какую-нибудь такую же забытую, как и она. И

¹ соседи (примеч. авт.).

когда она шла, бойкие ребятишки деревни стихали, потому что боялись высокой старухи: у нее росла борода и как-то рычало в груди, даже и тогда, когда она молчала... Крестьяне приветливо снимали шапки. И бабушка Степанида, на ходу опираясь на клюку, отдавала им безучастный, степенный поклон и шла дальше.

Келейка бабушки была осиновая, горькая: лес давно подгнил, избушка наклонилась, и передняя стена совсем ушла в землю. В длину келейка была пять аршин, в ширину четыре. Половину при этом занимала курная печь, от которой стены внутри избы были покрыты толстым слоем сажи. Когда сверкало пламя очага, сажка казалась такой блестящей, точно стена была усыпана миллионами кристалликов из черных бриллиантов. Обладательница этих бриллиантов во время топки сидела на корточках, пялила глаза от едкого дыма, скалила беззубый рот и тяжело дышала: пока топилось, удушливый дым волнами ходил по избенке, и только у самого пола была полоска, где тянул свежий воздух из подполья.

Келейка, коптилка, склеп – все названия одинаково подходили к жилью, в котором тридцать лет уже провела старуха. Ее и не тянуло на свет божий. Свет божий! Мало веселого было в нем. Ее жизнь, однообразная и жестокая, невкусная и сухая, была похожа на нее самое, бабушку Степаниду.

Скучная жизнь, скучное горе. Горе, которое приволочила она с собой еще из страшной, отлетевшей, забытой эпохи.

Замуж ее отдали на семнадцатом году. В первый же год

муж ее сгрубил кому-то и его забрили в солдаты. Красавица она была смолodu. Может быть, сердце рвалось в груди, может быть, много ночей провалялась она в жаркой истоме в темной избе одна с подростком сыном. Так вся молодость день за днем и ушла. Двадцать четыре года прождала она мужа; на двадцать четвертом вместо него пришла глухая бумага: помер муж. Не узнала даже где, и отчего, и как. Кто там станет глупой бабе описывать о смерти солдата.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.